

0618

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кейт Ньюит

**ПОЦЕЛУЙ
ДЛЯ ПАПАРАЦЦИ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кейт Хьюит
Поцелуй для папарацци
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 618

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19063027

Поцелуй для папарацци: ЗАО Издательство Центрполиграф; М.; 2016

ISBN 978-5-227-06739-5

Аннотация

Бен Чатсфилд давно порвал с семьей. Став известным шеф-поваром, он не интересовался семейным бизнесом. Но когда брат обратился к нему с просьбой поработать управляющим в берлинском отеле Чатсфилдов, Бен согласился. Голливудские звезды, приехавшие на кинофестиваль, доставили ему немало хлопот, а вздорная Оливия Харрингтон заявила журналистам, что Бен – ее бойфренд.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кейт Хьюит

Поцелуй для папарацци

Virgin's Sweet Rebellion

© 2015 by Harlequin Books S.A. «Поцелуй для папарацци»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Пролог

– Знал? Ты знал?! – Бен Чатсфилд уставился на своего брата Спенсера, пытаясь справиться с ошеломляющим по силе порывом гнева. Он сжал кулаки, и слова, пропитанные обидой и злобой, уже готовы были сорваться с его губ. Однако Бен сдержался. По старой привычке он решил скрыть свои истинные чувства. На его губах появилась кривая усмешка, словно шокирующее признание Спенсера ничего не значило. – И как давно тебе об этом известно?

– О том, что я внебрачный ребенок? – Спенсер равнодушно пожал плечами. – Пять лет. Я узнал это в свой двадцать девятый день рождения.

Пять лет. Бен моргнул. Последние пять лет он провел вдалеке от брата, от всей своей семьи, и для чего? Оказалось, все было понапрасну.

– Ты хорошо поработал здесь, – сменил тему Спенсер, но Бен ничего не ответил.

Спенсер осматривал уютный, но в то же время элегантный небольшой ресторан в Ницце, владельцем которого был Бен. Пару минут назад его брат распахнул двери ресторана и зашел внутрь. Спенсер выглядел как самый обычный турист, решивший перекусить по дороге. Не осталось и следа от того старшего брата, лидера «трех мушкетеров», каким Бен его помнил и по которому страшно скучал. Выйдя из кухни, Бен

замер, увидев Спенсера, а тот, как ни в чем не бывало, радостно улыбался ему, словно они в последний раз виделись на прошлой неделе, а не четырнадцать лет назад.

– Привет, Бен, – сказал брат.

И поведал, что уже пять лет знает о тайне, в которую Бен оказался посвящен, когда ему исполнилось восемнадцать. Та тайна разбила Бену сердце и вынудила его покинуть дом, разорвав все связи с семьей. Горькая правда дорого ему обошлась, а Спенсер теперь стоит перед ним и улыбается.

– Это все дела прошлые, – сказал Спенсер, и Бен заметил, что он пытается прекратить неприятный разговор. Но было поздно. Уже пять лет как поздно. – Что было, того не изменить. Я всегда чувствовал, что у Майкла есть причины относиться ко мне не так, как к тебе и Джеймсу, и рад, что наконец-то понял, в чем дело. Ему было хорошо известно, что я не его сын. С этим я давным-давно смирился.

– Рад за тебя, – ответил Бен.

Его голос был спокойным, несмотря на то что внутри бушевал ураган эмоций. Сожаление и чувство вины, печаль и радость – все смешалось, когда он снова увидел своего любимого брата. Но гнев затмевал все.

Старая обида прожигала грудь и раскаленной лавой обволакивала внутренности. Неужели Спенсер думает, что он может вот так запросто снова появиться в жизни Бена, как будто ничего не было? Не извинившись, не дав никаких объяснений, отмахнуться от четырнадцати лет, которые они про-

вели в разлуке.

– Что ты здесь делаешь, Спенсер? – спросил Бен.

Брови старшего брата слегка приподнялись. Его озадачило и удивило равнодушие, которое он уловил в тоне Бена.

– Неужели ты не рад меня видеть? Много времени прошло...

– Ты всегда знал, где я нахожусь.

– Да и ты знал, где нахожусь я, – парировал Спенсер.

– Я не предполагал, что тебе известна правда.

– А в противном случае все было бы по-другому? – нахмурился Спенсер, и Бен отвел глаза:

– Возможно.

Вернулся бы он в лоно семьи, если бы понял, что Спенсеру известно его происхождение? Трудно сказать. У него осталось не очень много счастливых воспоминаний о семье и о том, что это такое – быть одним из Чатсфилдов.

– Но ты так и не ответил на мой вопрос, – напомнил Бен. – Что ты здесь делаешь?

Его захлестнула очередная волна гнева, когда он начал понимать, что брату что-то от него нужно.

– Я решил, что настало время «трем мушкетерам» воссоединиться, – заявил Спенсер. – Джеймс сейчас тоже в Ницце. Он приехал на выходные и сгорает от нетерпения, мечтая встретиться с тобой. Мы снова можем быть вместе, Бен, на благо семьи Чатсфилд.

Семья Чатсфилд... Империя дорогих отелей, на создание

и процветание которой его отец положил все силы. Спенсер мог бы стать наследником всего этого богатства, если бы не был внебрачным ребенком. Хотя все равно он им стал, после того как их дядя Джин согласился сделать Спенсера главным исполнительным директором компании. Бену было об этом известно. Он старался не читать в прессе ничего, что касалось Чатсфилдов, но до него доходили обрывки слухов.

Похоже, Спенсер хочет, чтобы Бен снова трудился на благо семьи. Неужели он рассчитывает, что брат с радостью согласится, как будто не было долгих лет разлуки?

– Тебя совершенно не волнует наше воссоединение, – с горькой усмешкой бросил Бен. – Отбрось притворство, Спенсер. На самом деле тебе нужно, чтобы я что-то сделал для тебя. Для семьи Чатсфилд. Не так ли?

Спенсер опешил.

«Я больше не тот мальчишка, которого он помнит», – подумал Бен. Преданный, словно щенок, готовый всем угодить и всех осчастливить, но обреченный на вечные неудачи. С него хватит! Он не собирается стараться для кого-то, тем более для Спенсера или для семьи.

– Я сейчас немного занят, как видишь. – Бен скривил губы в безрадостной улыбке.

Лучше перевести все в шутку, нежели поступить так, как он жаждет, а именно – кому-нибудь врезать, быть может, даже Спенсеру.

– Ты проделал огромную работу, – заторопился Спен-

сер. – Я слышал, что этому ресторану присудили почетные мишленовские звезды. Мои поздравления. Сколько всего ресторанов ты открыл?

– Семь.

– Восхитительно!

Бен ничего не ответил. Ему не нужна была похвала брата.

– Ты, скорее всего, слышал в новостях о сделке с Харрингтонами... – начал Спенсер.

– Которую не удалось заключить? Да, слышал.

Бен знал, что Чатсфилды предложили выкупить компанию Харрингтонов, что его брат Джеймс в скором времени женится на Лейле, принцессе Сураади. Он сделал ей предложение перед зданием отеля «Чатсфилд» в Нью-Йорке – после того, как на гигантском биллборде высветилось его признание в любви. Ажиотаж вокруг семьи раздражал Бена, но людям это нравилось, и популярность Чатсфилдов просто зашкаливала.

– Харрингтоны в конце концов согласятся на сделку, – заверил он Спенсера. – У них нет серьезных связей и достаточного влияния, чтобы долго сопротивляться.

– Переговоры будут напряженными, – заметил Спенсер. – Со мной согласны многие учредители нашей компании, но не все. Пока что.

Бен пожал плечами. Его не волновал семейный бизнес.

– Послушай, – не унимался Спенсер. – Мне нужно срочно лететь на переговоры в Нью-Йорк и Лондон. Мое присут-

ствие там необходимо.

– Присутствуй.

– А на следующей неделе я должен быть в Берлине, чтобы заниматься отелем во время Берлинале.

– Чего, прости?

– Это кинофестиваль. Большинство голливудских знаменитостей останавливаются в нашем отеле. Это очень важное и ответственное событие для нашей компании.

– Не понимаю, зачем ты мне это рассказываешь. – Хотя Бен потихоньку начал догадываться, в чем дело.

– Мне нужно, чтобы кто-то заменил там меня, – пояснил Спенсер. – Кто-то из Чатсфилдов.

– Ты решил, что я брошу свой бизнес и отправлюсь в Берлин, чтобы помочь тебе? – поинтересовался Бен. – И это после четырнадцати лет тишины?

Глаза Спенсера сверкнули.

– Это ты ушел от нас, Бен.

Бен был на волоске от того, чтобы ударить брата. Он сжал кулаки, сердце бешено забилося в груди. Желание причинить Спенсеру боль было невыносимым, но Бен, как всегда, сдержался. Однажды вспышка гнева привела к тому, что он чуть не лишил человека жизни.

– Да, я ушел. И не собираюсь возвращаться ради тебя и твоего отеля.

Спенсер внимательно посмотрел на него.

– Ты изменился, – тихо произнес он.

– Верно.

– Но ты все еще мой брат, Бен. И я все еще твой брат. Возможно, мне стоило прийти к тебе гораздо раньше. Но ты тоже мог со мной связаться. Так что виноваты мы оба.

Раньше Бен с радостью взял бы всю вину на себя и постарался бы все уладить. Он сделал бы все возможное, чтобы осчастливить Спенсера и всю свою семью. Сегодняшний Бен, который четырнадцать лет старался подавить обиду и гнев, просто пожал плечами.

– Пожалуйста, – сказал Спенсер. Он склонил голову набок, и уголок его губ изогнулся в милой ребяческой улыбке, которую Бен помнил с детства. – Ты мне нужен.

Бен покачал головой:

– Недавно я открыл ресторан в Риме и собираюсь поехать туда...

– Две недели, братишка. Нам необходимо снова стать семьей и выступать единым фронтом. Я хочу этого больше всего на свете.

Сплоченная семья. Об этом Бен мечтал в детстве. Он терпел постоянные ссоры родителей, приступы гнева отца и изо всех сил стремился к тому, чтобы все изменилось к лучшему. Однажды он пожертвовал своими желаниями ради благополучия Чатсфилдов, и, похоже, история повторяется. В конце концов он откликнется на просьбу брата. Честно говоря, Бен сожалел о том, что порвал с родными, хотя в то время ему казалось, что другого выхода нет...

– Две недели, – сказал он, и на лице его брата появилось выражение облегчения и радости.

– Да...

– Я всего лишь шеф-повар, а не шоумен. Пусть этим занимаются другие.

– Все будет нормально, – заверил его Спенсер. – Тебе всего-то надо улыбаться и пожимать людям руки, честное слово.

– Я не имел никакого отношения к делам семьи Чатсфилд четырнадцать лет, – напомнил он Спенсеру. И себе самому. – Почти половину своей жизни.

– Больше причин, чтобы вернуться. – Спенсер говорил искренне. – Я скучал по тебе, Бен. И мне известно, что тогда ты пытался защитить меня...

– Забудь об этом.

Горло Бена сжалось от переполняющего его гнева, или печали, или какого-то неизвестного ему чувства. Он не хотел говорить о прошлом. Не желал даже думать о нем.

– Я благодарен тебе... – настаивал Спенсер.

Бен оборвал его:

– Хорошо. Я помогу тебе в Берлине. Но потребую кое-что взамен.

Спенсеру не стоит, как прежде, рассчитывать на его слепую преданность. Многое изменилось за эти годы. И сам Бен сильно изменился.

– Ладно. И что же ты хочешь?

– Я хочу открыть свой ресторан в отеле «Чатсфилд»

в Лондоне.

Спенсер недоуменно заморгал:

– Там уже есть первоклассный ресторан.

– Его шеф-повар скоро уйдет на пенсию. К тому же он давно начал сдавать позиции. – Бен надменно вздернул бровь. – Что скажешь?

Спенсер внимательно посмотрел Бену прямо в глаза, но тот не сдался и не отвел взгляд. В конце концов Спенсер кивнул:

– Ладно. Помоги мне с фестивалем, и я подумаю над тем, как открыть твой ресторан в нашем лондонском отеле.

– Не просто подумаешь, – спокойно продолжил Бен. – Мне нужен подписанный контракт.

Спенсер усмехнулся:

– Ты мне не доверяешь?

– Это просто бизнес.

– Хорошо. Пришли документы в мой офис, и я их подпишу. Так мы договорились?

– Договорились.

Спенсер покачал головой:

– С тобой сложно торговаться, Бен. Ты стал намного сильнее с тех пор, как мы с тобой в последний раз виделись.

Тогда ему было восемнадцать лет, и он был до смешного наивным...

Бен наконец осознал, что перед ним стоит его брат. Сквозь пелену гнева он начал ощущать какое-то чистое, дав-

но забытое чувство. Его сердце наполняла радость.

Глава 1

Оливия Харрингтон бегло осмотрела номер, который она зарезервировала в отеле «Чатсфилд», и чуть не застонала от негодования. Кладовка просторнее этого номера. Намного просторнее. Устало вздохнув, Оливия сбросила туфли на высоченных каблуках, которые специально надела для перелета из Лос-Анджелеса, и плюхнулась на узкую кровать. Она ногой закрыла дверь, затем еще раз оглядела маленькую тюремную камеру, которая должна была стать ее домом на целую неделю.

Конечно, Оливия не рассчитывала на президентский люкс. Она не была знаменитостью мирового масштаба, но тоже участвовала в кинофестивале. И разве номер класса «стандарт» в лучшем отеле города может быть похож на закуток для швабр? В нем даже ванной комнаты нет, а из окна открывается вид на кирпичную стену соседнего здания, до которой при желании можно дотянуться.

К тому же создавалось впечатление, что в номере нормально не прибирались с тех пор, как его покинул предыдущий постоялец... или лучше сказать, заключенный? На ковре были рассыпаны крошки, простыни были измяты, а присмотревшись, она заметила на них пятна. Фу!

Тяжело вздохнув, Оливия открыла дверцу маленького бара, на котором стоял крошечный телевизор. В такой ситуа-

ции без алкоголя не обойтись. Но оказалось, что бар опустошен отчаявшимся постояльцем. Нашлись лишь бутылка воды и половина шоколадки. Может ли этот день стать еще хуже?

В аэропорту Лос-Анджелеса ей пришлось просидеть несколько часов, поскольку два рейса были отменены, затем пережить полет в экономклассе, будучи зажатой между матерью с кричащим младенцем и упитанным бизнесменом, который не желал делиться общим подлокотником. Оливия тщательно продумала свой наряд, прекрасно зная, что папарацци обожают фотографировать знаменитостей, когда те, уставшие после перелета, без макияжа, покидают аэропорт. Она тринадцать часов провела на каблуках. Сон казался несбыточной мечтой.

Отвратительный номер стал последней каплей. Кровь Оливии забурлила от злости. Она быстро встала, засунула ноющие ноги в дизайнерские туфли и поправила макияж, согнувшись пополам, чтобы хоть что-то увидеть в маленьком квадратике зеркала. Оливия не была избалованной капризной дивой, но это уже слишком. Ей с трудом удавалось дышать в крохотном номере, а ведь здесь предстоит готовиться к премьерам фильмов и другим светским мероприятиям. Оливия прекрасно знала, почему ей досталась эта кладовка. Она – одна из Харрингтонов. Ее сестра Изабелл отвергла сделку, предложенную Чатсфилдами. Она не могла позволить конкурентам завладеть их семейным бизнесом. И Спен-

сер Чатсфилд счел забавным водворение представительницы семьи Харрингтон в кладовку.

Как смешно!

Возможно, не стоило резервировать номер в «Чатсфилде», но все, кто хоть что-то собой представлял на Берлинском кинофестивале, останавливались в этом отеле, а Оливия не желала упустить ни одно мероприятие. Фестиваль был для нее очень важен. Она много и упорно работала, чтобы получить шанс продемонстрировать свои возможности. Ей было известно, как ведутся дела в киноиндустрии. Необходимо общаться, заводить нужные знакомства. Оливия мечтала доказать всем, что будет прекрасной актрисой. Этим она хотела почтить память своей матери.

Ее никогда не интересовал семейный бизнес. Но будь она проклята, если позволит кому-либо, в особенности одному из самоуверенных Чатсфилдов, издеваться над собой.

В последний раз бросив взгляд на свое отражение, Оливия развернулась, распахнула дверь номера и стремительно пошла по коридору. Она отправилась на поиски человека, который рискнул унизить Харрингтонов.

Спустившись вниз, Оливия увидела, что холл отеля заполнен актерами, актрисами и прочими медийными персонами, и все они излучают неповторимую ауру богатства и славы. С некоторым трудом ей удалось добраться до стойки ресепшн.
– Я хотела бы поговорить с управляющим, пожалуйста.
Строго одетая, с идеально уложенными в тугий пучок во-

лосами женщина вежливо ответила:

– Боюсь, мистер Чатсфилд сейчас занят, мисс?..

– Харрингтон. Оливия Харрингтон.

Услышав ее имя, женщина не выказала восхищения, и Оливия раздраженно сжала зубы. Она сыграла роль второго плана в фильме, который будут показывать на фестивале. Возможно, в скором времени ей достанется потрясающая роль и она получит почетные кинонаграды.

– Я понимаю, что мистер Чатсфилд занят, – сказала Оливия с сахарной улыбкой на губах, – но тот факт, что моей семье принадлежит сеть отелей «Харрингтон», вероятно, заинтересует его. Вы так не думаете?

Сотрудница отеля сухо кивнула:

– Я узнаю, может ли мистер Чатсфилд принять вас.

Оливия выдохнула. Первое препятствие пройдено.

Впереди еще миллион.

– Оливия Харрингтон?

Бен в некотором замешательстве уставился на сотрудницу, стоявшую в дверях кабинета. Ему предстояло решить множество проблем, которые возникли с появлением в отеле мировых знаменитостей. Для них было обычным делом заказывать ведрами стоящее бешеных денег розовое шампанское и просить, чтобы в каждой комнате номера поставили букеты свежих цветов, но ни в коем случае не лилии или розы. Бену уже пришлось изъять несколько десятков букет-

тов, потому что в каждом из них были розы. Точнее, одна маленькая розочка.

Бен был готов объяснить капризной молодой актрисе, куда она может засунуть эту розу. Но, к счастью, сдержался, и это стоило ему огромных усилий. Но когда он в следующий раз встретится со Спенсером, обязательно скажет, куда тот может засунуть злосчастный цветок. Брат уверял, что ему придется просто пожимать гостям руки, однако уровень внимания, которого требовали к себе представители Голливуда, зашкаливал. А возвращение в «Чатсфилд» пробуждало воспоминания о прошлом, наполняющие сердце болью и злобой. Бен не желал выполнять глупые просьбы знаменитостей и предпочитал прятаться в кухне.

Он устало посмотрел на сотрудницу отеля, стоящую перед ним, с трудом вспомнив ее имя.

– Вы хотите сказать, Анна, что Харрингтон, член семьи владельцев сети отелей, хочет со мной встретиться?

– Она хочет поговорить с управляющим. И ее тон был весьма... требовательным.

Бен закрыл глаза. Замечательно! Только встречи с требовательной представительницей семьи Харрингтон ему и не хватало. Что она делает в Берлине? Ведь переговоры ведутся в Лондоне и Нью-Йорке.

– Спасибо. – Он заставил себя улыбнуться. – Пригласите ее.

Сотрудница отеля, заставив Оливию прождать мучительные десять минут – неудобные туфли сводили ее с ума, – наконец-то вернулась.

– Мистер Чатсфилд готов вас принять, мисс Харрингтон, – сказала она, сверля ее взглядом. – Пожалуйста, следуйте за мной.

– Спасибо.

Разве отель «Чатсфилд» не занимает первое место по качеству обслуживания? Хорошо же здесь обходятся с гостями! Впрочем, она – Харрингтон. Быть может, они припасли грубость и высокомерие исключительно для нее?

Оливия направилась в кабинет управляющего. Зайдя внутрь, она увидела мужчину, сидящего за столом, небрежно запустив пальцы в густые каштановые волосы. Это и есть Спенсер Чатсфилд? Оливия видела его фотографии в Интернете, но не помнила, чтобы он был настолько... привлекателен. Разве Спенсер не показался ей типичным суровым бизнесменом? Мужчина, сидящий перед ней, был совсем не таким. И не важно, что на нем был элегантный серый в тонкую полоску деловой костюм. Его мощная фигура и язык тела говорили о том, что он чувствует себя гораздо комфортнее в потертых джинсах, футболке и, возможно, кожаной байкерской куртке.

Слишком поздно Оливия сообразила, что не может отвести от него глаз. Скорее даже откровенно на него пялится. Она выпрямилась и вздернула подбородок. Самое время

сыграть роль негодующей клиентки.

– Спенсер Чатсфилд? – спросила она сурово.

Мужчина – на его лице она заметила щетину, которая была... очень сексуальной – приподнял бровь.

– Нет. Бен Чатсфилд. А вы?

– Оливия Харрингтон.

Его глаза сузились, а выражение лица не стало приветливее. Он выглядел... скучающим.

– Что я могу для вас сделать, мисс Харрингтон? – протянул он.

Ему известно, какой ей достался номер, сообразила Оливия.

Она ничего не знала о существовании Бена Чатсфилда. Чаще всего Изабелл упоминала имя Спенсера, и, конечно, Оливия слышала о Джеймсе. Но одно ей было ясно: Бен Чатсфилд – настоящий козел.

Оливия уперлась ладонями в стол и склонилась над Беном. Он и глазом не моргнул.

– Вы, возможно, полагаете, что это забавно, – в ее голосе звучала сталь, – разместить кого-то из Харрингтонов в номере, похожем на кладовку, но для меня это показатель низкого уровня обслуживания клиентов. Неприемлемого уровня.

В конце своей небольшой речи Оливия начала задыхаться от негодования, однако выражение лица Бена Чатсфилда оставалось невозмутимым.

– Вы недовольны номером? – сказал он после небольшой

паузы. – Я правильно вас понял?

– Да, вы поняли правильно, мистер Чатсфилд. Мой номер ужасен.

– Ужасен, – равнодушно повторил Бен.

Он откинулся на спинку кресла и, слегка прищурившись, продолжал на нее смотреть.

«Ну почему, почему, – вздохнула про себя Оливия, – он так привлекателен?» Она выпрямилась, скрестила руки на груди, ожидая, когда он... Что? Объяснит свое поведение? Признается, что совершил глупость? Как бы не так. Размечталась!

– И что же, – размеренным тоном продолжал Бен, – такого ужасного в вашем номере... мисс Харрингтон?

Какое-то время она ошарашенно смотрела на него, шокированная его наглостью.

– Все, – в конце концов сказала Оливия. – Абсолютно все.

Бен начал что-то набирать на компьютере. Оливия ожидала, что же будет дальше, с трудом сдерживая возмущение.

– Я вижу, вы зарезервировали номер класса «стандарт».

– В этой кладовке нет ничего стандартного, – процедила она сквозь зубы.

– В отеле «Чатсфилд», – холодно заявил Бен, – никого не размещают в кладовках.

– Наверное, вам стоит самому посмотреть, как выглядит мой номер.

Бен внимательно взглянул на нее, и Оливия обратила вни-

мание на его губы. Они тоже были невероятно соблазнительными, на удивление пухлыми и изящными. И еще у него были длинные ресницы. Как несправедливо!

– Быть может, вы правы. Мне нужно самому посмотреть на этот ужасный номер. – Его тон был пропитан сарказмом. – Чтобы вас успокоить.

Оливия показала рукой на дверь кабинета:

– Будьте моим гостем.

– Ах! – Бен поднялся. – А это должна быть моя реплика.

Богатая наследница семьи Харрингтон решила устроить спектакль. Бену с трудом удавалось подавлять раздражение. Что ей не понравилось? Недостаточное количество нитей в простынях? Отсутствие свежих цветов в ванной комнате? Как ни хотелось ему послать дамочку куда подальше вместе с ее требованиями, Бен прекрасно понимал, что не будет это делать. Ну, или сделает в достаточно вежливой форме.

Он развернулся к Оливии, которая продолжала смотреть на него с таким негодованием, что ему захотелось закатить глаза. Похоже, она сильно переигрывает, но для чего ей все это нужно? Быть может, она сочла забавной идею создавать проблемы Чатсфилд ам?

Это не его дело, напомнил себе Бен. Он согласился помочь Спенсеру, потому что его отношение к семье было весьма сложным и запутанным. Но Бена не волновали Харрингтоны и возможность поглощения их компании. И уж точно

его не волновала капризная богатенькая наследница.

– Будьте любезны, покажите мне свой номер, – с холодной вежливостью попросил он.

Они вышли в холл отеля.

Оливия была красивой женщиной, Бен это признавал, хотя ее красота казалась ему слишком совершенной, ненастоящей. После всей лжи, что Бену пришлось проглотить в прошлом, он не терпел обман ни в каком проявлении.

Сияющие темно-каштановые локоны струились по спине мисс Харрингтон, большие карие глаза поражали своей глубиной. Элегантная хрупкая фигура с соблазнительными изгибами, заключенная в изумрудное платье-футляр, и туфли на высоких каблуках подчеркивали длинные стройные ноги с изящными щиколотками. Все это, безусловно, привлекало внимание.

Бен поднял глаза немного выше, и его взгляд упал на ее ягодицы. Которые тоже оказались невероятно соблазнительными.

Оливия нетерпеливо нажала пальчиком с идеальным маникюром на кнопку лифта.

– Когда вы прибыли в Берлин? – спросил Бен, решив, что в данной ситуации следует вести себя цивилизованно.

Хотя вряд ли на ухоженную требовательную красавицу произведут впечатление его манеры.

– Час назад. Я всю ночь провела в самолете, мистер Чатсфилд.

И это тоже его проблема? Он постарался сочувственно улыбнуться:

– Пожалуйста, называйте меня просто Бен.

Оливия ничего не ответила.

К счастью, приехал лифт. В последнее мгновение в кабину прошмыгнула эффектная блондинка в розовом обтягивающем фигуру комбинезоне и усыпанных стразами высоких сапогах-ботфортах.

– Оливия! Я и не знала, что ты приедешь на фестиваль.

Каждое ее слово было прямо-таки пропитано лицемерием, и Бен почувствовал, как напряглась Оливия. Но уже через пару секунд она заставила себя расслабиться и одарить женщину ослепительной улыбкой.

– Эмбер! Как приятно тебя здесь встретить. Да, я тоже приехала на фестиваль. Я снялась в «Вечном голубом небе». Слышала?

– Ох, точно. – Эмбер наморщила носик. – Роль на две реплики?

– Второстепенная роль, – поправила ее Оливия все с той же улыбкой.

Двери лифта открылись, и она с высоко поднятой головой прошла мимо Эмбер, бросив:

– Ну, еще встретимся, я уверена.

Так, значит, она актриса. Новость не удивила Бена. Актрисы в его понимании – ухоженные, высокомерные, насквозь пропитанные ложью, трудные в общении женщины. Оливия

именно такая.

Она вела его по устланным коврами коридорам, затем свернула в узкий коридорчик и миновала дверь, ведущую на лестницу. Бен нахмурился. В этой части здания не было номеров. Здесь располагались комнаты для персонала и складские помещения.

– Вот мы и на месте, – заявила Оливия, церемонно показав ему старомодный ключ, а не фирменную карточку с эмблемой отеля.

Она открыла дверь. Бен вошел, его плечо соприкасалось с плечом Оливии, потому что комната на самом деле оказалась крохотной и смахивала на кладовку.

– По-вашему, этот номер не ужасен? – приторно-сладким тоном поинтересовалась Оливия и указала на кровать со смятыми испачканными простынями. – Я не думаю, что простыни меняли с... прошлого года. К тому же мини-бар пустой и отсутствует ванная комната.

Оливия повернулась к нему лицом, подбоченилась, и ее тело, а в особенности грудь оказались достаточно близко от Бена.

Он старался не обращать внимания на то, что при повороте ее локон задел его щеку, или на то, что после тринадцатичасового перелета от нее все еще исходил аромат клубники. И ванили. Бен сделал глубокий вздох и посмотрел на разгневанную Оливию:

– Я прошу прощения. Очевидно, произошла ошибка.

– Ошибка? То, что меня запихнули в этот кошмарный номер, просто ошибка? Не притворяйтесь!

Гнев – такое знакомое обжигающее кровь чувство – охватил его. Она, конечно, красива. Но зачем устраивать сцену из-за явной случайности?

– Да, всего лишь ошибка, – ответил Бен. – Неужели вы думаете, что кто-то мог специально предоставить гостю нашего отеля такой номер?

– Именно так я и думаю, Бен.

Он уставился на нее – сначала в замешательстве, затем с раздражением.

– Ты решила, что я поместил тебя сюда, потому что ты Харрингтон?

– Не нужно быть физиком-теоретиком, чтобы это понять.

Он громко засмеялся:

– Милая, ты далеко не физик-теоретик.

В ее глазах полыхнула злость, отчего они приобрели золотистый оттенок.

– Я не позволю издеваться над собой.

– Я могу сказать то же самое. Ты не настолько важная персона, чтобы я тратил свое время на издевательства над тобой.

Оливия пожала плечами:

– Все может быть...

– Так ты думаешь, что я изучил список людей, которые забронировали номера в нашем отеле, – перебил он ее голосом полным сарказма, – надеясь, что кто-нибудь из Харрингто-

нов захочет у нас остановиться, и лелея мечту так по-детски с ним поступить? – Бен вспомнил, каким сладким ядом были пропитаны слова красотки в лифте. – Придется расстроить тебя, но твой приезд в Берлин не является главной новостью дня. – Он усмехнулся. – Я не уверен, что это вообще кому-то интересно.

От гнева ее щеки с высокими скулами залил румянец.

– Не знаю, каким образом тебе об этом стало известно, но...

– Ох, да успокойся ты. – Бен устал от капризных див и их запросов. Не хватало еще одной из Харрингтонов, капающей ему на мозги. – Я понятия не имел, что кто-то из вашей семьи окажется в Берлине. Все вы вроде бы должны сейчас быть в Нью-Йорке, на переговорах с моим братом.

– Каких переговоров? – возмутилась Оливия. – Моя сестра отказала...

– Вопрос поглощения компании быстро и просто не решается, – сухо пояснил Бен. – Но, по правде говоря, меня это абсолютно не касается. Я не имею отношения к делам Чатсфилдов.

Оливия изумленно изогнула бровь:

– И все же ты руководишь отелом в Берлине.

Он сам до сих пор не мог поверить в это.

– Так и есть. Но только на время проведения фестиваля.

– Так, значит, Чатсфилды живут одной сплоченной семьей, – протянула Оливия.

Бен напрягся. Сплоченной? Когда-то он не сомневался в этом. Но все в прошлом.

– Мы семья, – ответил он равнодушно, – точно такая же, как Харрингтоны.

Оливия поджала губы. Они стояли, глядя друг другу в глаза, и кроме злости, накаляющей воздух, между ними возникло нечто другое. Физическое влечение. Оливия Харрингтон, если не брать во внимание ее личность, была весьма привлекательной женщиной. Красивой, яркой, сексуальной. Ее глаза блестели от негодования, волосы слегка растрепались, щеки покраснели. Она выглядела разозленной и возбужденной одновременно.

– Вам будет предоставлен другой номер, – произнес он не терпящим возражений тоном, – и в качестве извинения за нашу ошибку одна ночь вашего проживания будет бесплатной.

Глаза Оливии удивленно округлились, но затем она величественно кивнула, словно именно такого ответа и ждала.

– Благодарю.

Чем быстрее ему удастся уйти от этой женщины, тем лучше.

– Всегда рады помочь, – сказал он и покинул ее номер.

Глава 2

Менее чем через час Оливия перебралась в один из роскошнейших номеров отеля «Чатсфилд». У нее отвисла челюсть от увиденного. Это уж точно не номер класса «стандарт». Посыльный занес в прихожую ее чемодан и удалился. Закрыв за ним дверь, она начала медленно обследовать апартаменты: прихожую, гостиную, кухню, спальню, огромную ванную комнату с роскошной ванной. Просто восхитительно! Одного взгляда на ванну было достаточно, чтобы загореться желанием погрузиться в горячую воду с душистой пеной и остаться там на всю оставшуюся жизнь.

Но, как бы прекрасно это ни было, Оливию не оставляли сомнения. Ведь она не только получила право на одну бесплатную ночь, но и оказалась в номере, проживание в котором стоило в сто раз больше чем в «стандарте». Бен Чатсфилд пытается доказать, что отель «Чатсфилд» отличается высоким уровнем обслуживания, или он просто чувствует себя виноватым?

Оливия решила не думать об этом. В любом случае теперь у нее есть шикарный номер, который обойдется дешевле, чем она планировала.

Оливия распаковала чемодан, аккуратно развесила свои тщательно продуманные наряды в гардеробе, затем наполнила водой ванну, добавив в нее пену из предоставленной оте-

лем бутылочки. Раздевшись, она погрузилась в ароматную горячую воду.

Блаженство!

Однако сомнения продолжали терзать ее. Хотя, возможно, это были не сомнения.

А... робкое влечение.

Несправедливо, что Бен Чатсфилд такой привлекательный.

Закрыв глаза, она представила его: слегка растрепанные каштановые волосы, карие глаза, сильный, покрытый щетиной подбородок. Но соблазнительнее всего была его внутренняя энергия, мощная, животная, практически неконтролируемая.

Оливия тихо рассмеялась. Она понимала: даже если Бен Чатсфилд проявит к ней интерес, она не будет знать, как себя с ним вести. Те отношения, которые у нее были, являлись всего-навсего хорошо продуманной игрой и не имели ничего общего с реальностью или настоящей страстью. А ей безумно хотелось испытать невероятную страсть. Но еще в ранней юности Оливия решила, что не будет сближаться с людьми и испытывать сильные эмоции. Тем более необходимо обходить стороной такого мужчину, как Бен Чатсфилд.

И все же интересно, как поведет себя Бен, если позволит своей внутренней дикости хотя бы на время вырваться на свободу? Что получится, если они вдвоем отдадутся во власть страсти?

Тяжело вздохнув, Оливия с головой погрузилась в воду. Нет смысла думать о Бене Чатсфилде, потому что между ними никогда ничего не может быть. По крайней мере, она делает для этого все возможное. Вечером она наденет уютную пижаму и будет смотреть романтические комедии, а затем проспит восемь часов подряд. Завтра предстоит весьма насыщенный день. У нее запланированы несколько интервью, и она должна быть в отличной форме. Но двенадцать часов бесконечной игры для нее не проблема – ведь быть Оливией Харрингтон, подающей надежды молодой актрисой, гораздо проще, чем кем-либо еще. Например, тем человеком, каким она является на самом деле.

Бен сжал зубы, когда всемирно известная актриса, чье имя он не помнил, принялась строить ему глазки. Она его раздражала. И почти так же сильно, как Оливия Харрингтон.

– Боюсь, зарезервировать холл отеля невозможно, – сказал он сдержанно, но весьма твердо.

Стоять в центре оживленного холла ему и так было неприятно, а теперь еще приходилось иметь дело с капризом богатенькой дуры. Куда бы он ни повернулся, его донимали воспоминания, хотя раньше Бен не бывал в Берлине. Однако он был в других, точно таких же отелях «Чатсфилд». У Бена появилось ощущение, что машина времени отправила его в прошлое.

Звон хрусталя, запах кожи, неповторимое звяканье от-

крывающихся лифтов... все это возвращало Бена в то время, когда он был наивным мальчишкой, с нетерпением ожидающим в коридоре отеля, когда же его отец закончит дела. Бен надеялся, что на этот раз отец ему улыбнется при встрече. И подарит искреннюю улыбку Спенсеру...

– Но это идеальное место для вечеринки по случаю моего дня рождения, – настаивала актриса.

Она перестала игриво строить ему глазки и вместо этого соблазнительно улыбнулась. Затем актриса сжала его локоть. Но эта женщина не вызвала в нем и сотой доли желания, которое он испытывал к Оливии Харрингтон.

– Пожалуйста? – прошептала звезда и захлопала накладными ресницами.

– Холл – это общественное место, – ответил Бен, отстраняясь. – Остальным гостям нашего отеля необходимо проходить через него, чтобы попасть в свои номера. Если, конечно, вы не хотите, чтобы они пользовались входом для персонала. – Он сказал это с сарказмом, но актриса восприняла его слова серьезно. Посыльный, стоявший за ее спиной, еле сдерживал улыбку. По крайней мере хоть кто-то получал удовольствие от этого разговора. – Я прошу прощения, но осуществить вашу просьбу невозможно, – заявил Бен. – Мы будем рады предоставить для проведения вашей вечеринки любой из банкетных залов. Особенно хорош наш Персидский салон.

Развернувшись, Бен поморщился, потому что ему была

ненавистна неискренность, к которой он быстро начал привыкать. За четырнадцать лет он зарекомендовал себя как честного, порой даже чересчур откровенного человека. Люди знали всю правду о том, что они могут получить, заглянув в ресторан Бена. Но стоило ему переступить порог отеля «Чатсфилд», обители лжи, которую создали его родители, и он начал вести себя совсем по-другому. И именно об этом его просил Спенсер.

– Отлично сработано, мистер Чатсфилд, – заметил посыльный. – Эта женщина раздражает. Она привезла с собой восемь огромных чемоданов и не дала чаевых.

– Я не удивлен, – откликнулся Бен.

Любой другой управляющий отчитал бы посыльного за такие слова, но он не стал. Бен понимал, что следует различать, когда сотрудник действительно некомпетентен и когда ему приходится терпеть унижения от нерадивых постояльцев. Этот же посыльный всегда был вежлив с гостями отеля. Неудивительно, что ему нужно немного выпустить пар. Бен улыбнулся и кивнул в сторону тележки, нагруженной чемоданами. За порядком все равно необходимо следить. Парень поспешил заняться делом.

– Мистер Чатсфилд?

За спиной Бена послышалось цоканье каблуков. К нему, робко улыбаясь, подошла Ребекка, его личный помощник.

– Ребекка? Что случилось?

– Репортер с телевидения хотел взять у вас интервью для

сюжета о том, каково это – готовить еду для знаменитостей. Вы не забыли?

– Ох! Точно. – Он последовал за Ребеккой к ожидающему его репортеру.

Время близилось к полуночи, когда Бен наконец-то смог расслабиться. День был полон испытаний, и даже был случай возгорания, когда постоялица перевернула одну из двухсот ароматических свечей, расставленных в номере. Бену пришлось любезничать со столькими людьми, что ему не хотелось об этом вспоминать. Но он не позволил гневу вырваться на свободу. Точно так же, как он держался все эти четырнадцать лет. Однако сейчас его терпение было на исходе.

Не стоило возвращаться в «Чатсфилд», признал Бен по дороге на крышу отеля, где располагался бассейн. Он ошибался, думая, что ему удастся совладать со своими воспоминаниями и чувствами.

Тяжело вздохнув, Бен снял костюм в мужской раздевалке и направился к прозрачной водной глади. Олимпийских размеров бассейн под стеклянным куполом с видом на город был гордостью отеля.

Плавание всегда было для Бена отличным способом расслабиться, выплеснуть накопившуюся энергию и снять стресс. К счастью, в этот поздний час никого, кроме него, здесь не было, и Бен мог в одиночку насладиться красотами ночного Берлина. Но не это его волновало. Он мечтал вер-

нуться во Францию. К своей прежней жизни.

Бен нырнул. Вода показалась ему прохладной и освежающей, что помогало мыслям проясниться. Напряжение постепенно стало покидать его. Он проплыл несколько кругов, перевернулся на спину и устремил взгляд на прозрачный купол.

Услышав, что открылась дверь, Бен приподнял голову, но смог заметить только пару стройных ножек с изящными щиколотками, приближающихся к бассейну. Кому-то пришла в голову та же идея, что и ему.

Вот и истекли его пятнадцать минут на расслабление. Бен поплыл к бортику. В метре от него он уловил краем глаза движение, но было уже слишком поздно. Какая-то женщина прыгнула прямо на Бена.

Оливии показалось, что она врезалась в бетонную стену. Перед глазами поплыли звездочки, она вскрикнула, голова тут же заболела, а затем сильные руки схватили ее за плечи.

– Ты всегда действуешь не подумав? – раздраженно поинтересовался знакомый голос.

Оливия тряхнула головой, пытаясь убрать мокрые волосы с лица. И встретила взглядом с высокомерным и явно рассерженным Беном Чатсфилдом. Его глаза горели, на щеках пылал румянец, и на мгновение ей показалось, что это древний бог воды, поднимающийся из пучины морской, а по его рельефному идеальному прессу стекает вода.

Затем к ней вернулся рассудок, и она принялась неуверенно оправдываться.

– Я и не знала, что ты в бассейне, – сказала Оливия и закашлялась.

Она успела нахлебаться воды, когда врезалась в грудь Бена Чатсфилда. Грудь, к которой в данный момент она была прижала. Бен все еще удерживал ее за плечи, а их ноги были переплетены. Сердце Оливии бешено билось, но не только из-за неудачного столкновения. Однако иную причину ей не хотелось признавать.

Бен что-то пробормотал и, покрепче обхватив Оливию под мышки, поплыл вместе с ней к бортику.

– Подожди-ка... – сказала Оливия.

Бен вылез из воды, затем бесцеремонно вытащил ее и усадил рядом с собой. Она прислонилась к нему, продолжая кашлять, а он обнял ее за плечи. К счастью, вскоре приступ закончился.

– Спасибо, – пробормотала Оливия. – Я, должно быть, случайно глотнула воды.

– Должно быть, – согласился он.

Она взглянула на него и постаралась не обращать внимания на то, как капельки воды блестят на его ресницах или стекают по подбородку на мускулистую грудь. Но ее глаза – сами собой – опустились ниже, и она сглотнула, увидев рельефный пресс Бена. Боже мой!

Пора бы перестать пялиться. Оливия робко улыbnулась, и

губы Бена изогнулись в ответной улыбке, которая говорила о том, что он все понял. Ну и что? Смотреть девушкам не запрещается.

– А что ты имел в виду, сказав, что я всегда действую не подумав?

– Ты прыгнула в бассейн, не проверив, есть ли там кто-нибудь.

– Я тебя не заметила, – заявила Оливия.

– Правильно, ты не посмотрела.

Возможно, так оно и было. Она устала и была раздражена, поскольку первый день фестиваля прошел неудачно. Два интервью были отменены, еще один репортер заявил, что она недостаточно интересна для него, потому что нет подтверждения, что она получила роль в фильме своей мечты. К тому же двенадцать из двадцати двух ее реплик в фестивальной версии фильма «Вечное голубое небо» были вырезаны.

– Нет, – возразила Оливия, – что ты хотел сказать словом «всегда»? Как будто я часто прыгаю на тебе в бассейн. – Она слишком поздно осознала, что ляпнула. – То есть на тебя.

Ей захотелось врезать Бену, чтобы стереть самодовольную ухмылку с его лица. Или поцеловать его. А может быть, сначала одно, потом другое. Плохая идея. Бен не для нее – по многим причинам.

Оливия отстранилась, и Бен отпустил ее плечи. Она задрожала.

– Я сказал «всегда», – продолжил он, – потому что ты точ-

но так же действовала вчера, не разобравшись в ситуации, когда вообразила, что я специально поместил тебя в тот номер.

Оливия возмущенно скрестила руки на груди. И только потом вспомнила, что на ней достаточно откровенное розовое бикини.

– Мое предположение было вполне логичным, – холодно парировала она. – К тому же я до сих пор не верю, что ты это сделал не специально.

В глазах Бена вспыхнул гнев. Даже разозленный, он выглядел прекрасно.

– Ну конечно же.

– А это что означает? – поинтересовалась Оливия.

Даже испытывая возмущение, она не могла отрицать, что острое влечение к этому мужчине пронизывает ее тело.

Бен соскользнул в воду и повернулся к ней лицом. Его глаза блестели, губы скривились в усмешке.

– Только то, что вы выглядите и ведете себя в соответствии со своим образом, мисс Харрингтон. Ухоженная, поверхностная, эгоистичная, гоняющаяся за славой актриса. Вы считаете, что мир крутится вокруг вас и вашей семьи, однако меня не волнуют Харрингтоны и тем более то, в каком номере один из вас остановился. Доброй ночи.

Разинув рот, Оливия смотрела, как Бен плывет к противоположному бортику. Его сильное тело рассекало прозрачную воду. Он вылез из бассейна и направился к мужской раз-

девалке.

Наверное, не следовало все это говорить ей. Или говорить таким тоном. Но приятно было выплеснуть хотя бы часть скопившегося раздражения.

Бен закрыл глаза, встал под душ и позволил горячей воде ударить ему в лицо. Возможно, он был слишком груб. Оливия Харрингтон принадлежит к тому типу людей, которые будут долго и громко причитать о том, что с ними плохо обращаются. Она может собрать пресс-конференцию и устроить скандал. Папарацци такая шумиха понравится.

Бен выругался. И о чем он только думал? Честно говоря, он в тот момент вообще не думал. Усталость, накопившаяся за день, и близость прекрасной Оливии Харрингтон, чьи соски он мог видеть сквозь влажную ткань ее купальника, привели к срыву. Можно, конечно, извиниться перед ней, но Бен сомневался, что это спасет ситуацию. Впрочем, попытаться можно.

Тяжело вздохнув, он выключил воду и вытерся. Быстро надев спортивные шорты и футболку, Бен вернулся к бассейну в поисках Оливии. К сожалению, там уже никого не было. Она ушла.

Оливия сидела на краю бассейна. В голове ее эхом отдавались слова Бена. Она смотрела в одну точку, не в состоянии оправиться от шока. Еще никто не говорил с ней в таком

тоне. Она твердила себе, что слова нематериальны, а потому не могут причинить реальную боль. Она не будет расстраиваться из-за Бена Чатсфилда, не будет думать о презрении, которое увидела в его карих глазах. И вовсе она не эгоистична. Или поверхностна. Что касается ухоженности, ведь она актриса. Внешность очень важна для нее. А вот погоня за славой... это, конечно, оскорбительно.

Оливия нахмурилась, встала и пошла в женскую раздевалку.

Хорошо, быть может, она слишком бурно реагировала на тот кошмарный номер. Но неужели она должна поверить в то, что это произошло случайно? Едва ли такой маленький номер вообще зарегистрирован в системе отеля. Однако Бен предоставил ей роскошный номер, в котором одну ночь она проведет бесплатно, так что... Наверное, следует поступить воспитанно и извиниться перед ним, тогда и у него появится шанс извиниться. Завтра утром она сделает это.

Через шесть часов Оливия проснулась и нарядилась так, чтобы сражать наповал, ну, или, по крайней мере, производить хорошее впечатление. На ней было платье цвета лаванды со струящейся широкой юбкой. Локоны были разбросаны по плечам. На макияж она потратила полчаса. На запястье Оливия надела тонкий серебряный браслет, а на шею – подвеску в форме сердца, последний подарок матери, который она никогда не снимала. Она выглядела по-деловому, но привлекательно. На сегодня было запланировано много

интервью. Поскольку в Берлине хозяйничал холодный февральский ветер, Оливия достала из гардероба подходящее к этому наряду пальто.

Она с трудом проглотила пару кусочков фруктов и выпила чашку кофе, после чего отправилась на поиски Бена. Было чуть больше семи часов утра, но он уже сидел в кабинете, и его волосы выглядели соблазнительно взъерошенными, словно он часто запускаял в них пальцы. Оливия при одном взгляде на Бена почувствовала манящее влечение, но твердо решила, что будет всеми силами его игнорировать. Как профессиональный и далеко не поверхностный человек она просто извинится перед ним, а потом великодушно примет его извинения, после чего спокойно пойдет своей дорогой и забудет Бена Чатсфилда.

– Привет.

Бен оторвался от компьютера и нахмурился:

– Пожалуйста, скажи мне, что с твоим новым номером нет никаких проблем.

– Нет, он просто замечательный. – Оливия замолчала в нерешительности, не совсем понимая, как вести разговор. Бен был спокоен, но она ощущала в нем безграничную энергию, которая, казалось, вот-вот вырвется на свободу. – Как такой номер оказался свободным? Я считала, что у вас все номера зарезервированы.

Бен поджал губы:

– Кроме этого.

Оливия выпрямилась и одарила его тщательно отрепетированной «я-хотела-бы-поблагодарить-академию-за-эту-на-граду» улыбкой.

– Я пришла, чтобы поблагодарить тебя за то, что ты предоставил мне этот номер. И прошу прощения за мои поспешные выводы. Спасибо, что отнесся ко мне с пониманием.

Оливия продолжала улыбаться в ожидании ответных извинений. Бен лишь на мгновение поднял на нее глаза:

– Не за что.

И это все?! Он не собирается извиняться за то, что назвал ее поверхностной, эгоистичной и гоняющейся за славой?

– Я проверил информацию по тому номеру, – продолжал он, не отрывая взгляда от монитора. – Выяснилось, что один из новых сотрудников отдал предназначенный тебе номер одному конфликтному клиенту. Затем он разместил тебя в маленьком номере, так как считал, что его уже привели в порядок.

– Понятно.

Вполне логичное объяснение. Оливия вздохнула. Значит, она действительно слишком бурно отреагировала. Но и Бен повел себя не лучшим образом. Тем не менее он явно не собирается извиняться. Когда Оливия уже была готова причислить его к многочисленному племени мерзавцев, Бен внезапно заговорил:

– Прости, я вчера выплеснул весь негатив на тебя. Я не должен был тебя оскорблять.

Каждое слово было словно вытянуто из него, а с лица не сходило мрачное выражение.

– Извинения приняты. – Она смогла придать улыбке некоторую игривость. – Хотя с «гоняющейся за славой» был явный перебор.

К ее удивлению, уголки его губ изогнулись в ответной улыбке, и напряжение стало постепенно покидать Бена.

– Я полагал, что это больше всего тебя заденет.

– Правильно полагал.

– Прости меня.

– Интересно, – сказала Оливия, – почему один из самых больших номеров отеля оказался свободным? Ты никого не выставил из-за меня?

Он помедлил с ответом.

– Нет.

– Значит, номер был свободен?

– Не совсем.

– Похоже, ты что-то не договариваешь.

Он пожал плечами, но все-таки признался:

– Я проживал в этом номере.

– Ты? А где ты теперь живешь?

– Догадайся.

– Ведь ты не...

– Как ты сама заметила, в отеле сейчас нет свободных мест.

Оливия молча смотрела на Бена. Он правда поселился в

той кладовке? И ведь он не собирался рассказывать об этом до тех пор, пока она не настояла. Теперь она действительно ощущала себя эгоистичной и поверхностной... плюс все остальное, что он о ней думал, кроме, наверное, погони за славой.

– Спасибо, – повторила она.

Бен продолжал смотреть на нее, его глаза напомнили Оливии глаза тигра, или пантеры, или какого-то другого опасного хищника. Достаточно лирических мыслей на сегодня. Внезапно Оливия поняла, что Бен ожидает, когда же она уйдет. И она поспешила покинуть его кабинет. Внутри ее переполняло чувство облегчения и разочарования.

Час спустя Оливия выкинула утренний разговор с Беном Чатсфилдом из головы и сосредоточилась на вопросах репортера, касающихся роли, о которой она мечтала. Она смеялась, отвечала весело и непринужденно и даже один раз подмигнула. Все это было частью представления, которое, по мнению Оливии, проходило весьма успешно. После того как она удачно пошутила и залилась радостным смехом, женщина-репортер неожиданно спросила:

– Не хотели бы вы прокомментировать свои отношения с Бенджамином Чатсфилдом?

Вся наигранная веселость тут же испарилась. После весьма продолжительной паузы к Оливии вернулся рассудок.

– У меня нет комментариев по этому поводу, – сухо произнесла она.

И разве это не было правдой? Между ней и Беном Чатсфилдом нет никаких отношений. Как репортер узнала, что они общались?

– И про это фото вы тоже не хотите рассказать? – спросила дама с самодовольной улыбкой.

Оливия посмотрела на газету, которую репортер положила на столик. О боже! Значит, их кто-то видел? На фото они выглядели такими... близкими друг другу. Папарацци сделал снимки в самые подходящие – или, наоборот, неподходящие – моменты. Бен придерживал Оливию за плечи, и со стороны могло показаться, что он вот-вот ее поцелует, хотя на самом деле он готов был на нее наорать. Уже в который раз. Там были и другие фотографии. На одной они сидели на бортике бассейна, и Бен обнимал ее за плечи. В то время Оливия задыхалась от кашля... но выглядело все так, будто они прижимаются друг к другу. Заголовок статьи гласил: «Знаменитый шеф-повар Бен Чатсфилд закрутил роман с молодой актрисой?»

Они даже не указали ее имени!

Оливия проглотила обиду и решительно взглянула на ухмыляющуюся журналистку:

– Как я уже сказала, у меня нет комментариев.

Все интервью, которые у нее были запланированы на сегодня, проходили по одному и тому же сценарию. Репортеры задавали несколько вопросов о будущем фильме и об актерской карьере Оливии, а затем переходили к тому, что их дей-

ствительно интересовало – к ее отношениям с Беном Чатсфилдом.

Оливия продолжала отказываться от комментариев и лишь улыбалась и шутила в ответ на весьма откровенные намеки. Но ближе к вечеру, когда сотрудник одного из таблоидов, на встрече с которым настояла ее агент, спросил у Оливии, что, по ее мнению, Бен Чатсфилд в ней нашел, это обидело девушку, и она холодно заявила:

– Честно говоря, мы начали встречаться, как только стартовали переговоры о поглощении Чатсфилдами сети отелей «Харрингтон». Наша история немного похожа на историю Ромео и Джульетты, не правда ли?

И, не дождавшись реакции репортера, Оливия стремительно вышла из комнаты. Ее агент, Мелисса, последовала за ней.

– Это заставит их говорить о тебе, – заметила она. – Я и не знала, что вы с Беном Чатсфилдом встречаетесь. Замечательная возможность для пиара!

Оливия стояла спиной к Мелиссе, не зная, какое сейчас у нее выражение лица. Ужас, наверное. Или истерика.

– Мы не встречаемся, – тихо пробормотала она.

– Что, прости?

– Мы с ним не встречаемся! – Оливия резко повернулась лицом к агенту, надеясь, что выглядит беззаботной.

«Давай же, Оливия, притворись, что все в порядке. Это всего лишь очередная роль».

– Я сказала это, потому что журналист был невыносим.

– Ох! – Мелисса нахмурилась.

– Что тут такого? – бросила Оливия. – Очередная голливудская сплетня. Завтра об этом все забудут.

– Да, но... – Мелисса продолжала хмуриться.

Оливия почувствовала раздражение и нарастающую панику. Ей не нравилось, что агент смотрит на нее с... недовольством.

– Это все ерунда, – сказала она, стараясь разрядить обстановку.

– Ты официально подтвердила отношения, – заявила Мелисса. – Так что это не сплетня, Оливия. Это новость.

– Что ж... – Мысли ее путались, лицо залила краска. Что она натворила?! Но с ней целый день обращались как с очередной пассией Бена Чатсфилда, а не как с подающей надежды актрисой. Никого не интересовала ее роль в будущем фильме. – Я сделаю заявление, – предложила она Мелиссе, – и объясню журналистам, что тот репортер повел себя гадко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.